

Переписные книги свидетельствуют об отсутствии социальной замкнутости, особенно в средних городских слоях. Довольно частыми были браки между членами семей низших государственных служащих, купцов, мастеровых, солдат. Из переписных книг можно извлечь интересные данные о путях формирования элиты бюрократии, о ее семейном положении, жилищных условиях. Содержат переписные книги материалы о военнотружущих, иностранцах и других группах городского населения.

Помимо выполнения программы, намеченной Сенатом, переписчики нередко отражали городскую жизнь в самых различных ее проявлениях.⁸⁷ Это делает переписные книги своеобразным источником по истории городского быта 30-х годов XVIII в.

Е. М. ДОБРУШКИН

**О ДВУХ ИЗВЕСТИЯХ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ»
В. Н. ТАТИЩЕВА ПОД 1113 г.**

Около двухсот лет длится спор о происхождении сообщений «Истории Российской» В. Н. Татищева, неизвестных по источникам, и до сего дня проблема остается не решенной. Для решения ее необходимо выявить весь комплекс «татищевских известий» по обеим редакциям «Истории» и изучить каждое такое известие.

В данной статье рассматривается вопрос о происхождении двух известий «Истории» В. Н. Татищева под 1113 г., неизвестных по другим источникам.

Вся татищевская статья под 1113 г. (по 1-й редакции «Истории») основана на соответствующей статье Ипатьевской летописи: почти все сообщения «Истории» имеют текстуальные совпадения с ипатьевскими и расположены в летописной последовательности.¹ Но наряду с этими известиями в 1-й редакции «Истории» под 1113 г. имеется несколько таких, которые не находятся ни в Ипатьевской летописи, ни в других источниках, а часть известий имеет отличный от летописных вид. Первое «татищевское

⁸⁷ Адмиралтейский мясник Петр Горохов, например, сообщил, что у него во дворе имеется баня, в которой всегда парится много народу, плата он берет по 1 коп. с человека (ЦГАДА, ф. 248, д. 201, л. 885 об.). Работники в кабаке сообщили, что хозяин решил им продавать вино по 22 коп. за кружку, пиво по 24 коп. за ведро, мед по 32 коп. за ведро (Там же, л. 881).

¹ ПСРЛ, т. II, М., 1962, столб. 274—277. В сообщении о вступлении Мономаха на великое княжение имеется вставка из Копитовской летописи (см.: ПСРЛ, т. I, Л., 1926, столб. 290).

известное, интересующее нас в данном случае, вписано в летописный фрагмент о событиях в Киеве после смерти князя Святослава. Ипатьевская летопись рассказывает, что киевляне решили призвать Владимира Мономаха, но тот отказался от этого предложения («... княже послаша к Володимеру, глаголюще: „Поиди, княже, на стол отец и деден“. Се слышав Володимер плакася велию и не поиде, жаль си по брате»²). У В. Н. Татищева это место отличается от летописного тем, что в нем имеется развернутый мотив отказа Владимира киевлянам: «...послаша ко Володимеру, реки: „Поиди, княже, на стол отец и деденъ“. Се слышав, Володимер плакася горце по брате своем... и не иде в Киев, размышляючи, рече: „Да не како Святославичи, яко болюшого брата сынове зарезав, востанут на мя и изженут от Киева“. И хотяще послати ко Давидови уладитися о сем без прѣ»³.

Это рассуждение Мономаха написано не совсем удачно: во-первых, Владимир предполагает, что Святославичи могут его зарезать, а потом восстать на него и выгнать из Киева; во-вторых, выбрана странная форма объяснения преимущества Святославичей перед Владимиром в наследии киевского стола («яко болюшого брата сынове»): слово «брат» в таком случае было бы вполне уместно, например для Всеволода, отца Мономаха, так как именно он был братом Святослава. Именно такое слово вполне мог употребить и последователь, желая объяснить, почему именно Святославичи должны были занять киевский стол после Святослава.

При написании текста 2-й редакции «История» Татищев исправляет первое недоразумение: он передает текст «размышления» князя косвенной речью, отступая при этом от текста 1-й редакции («разсуждая, что Святославичи Давид и Олег, яко старейшого брата дети, могут войну против его начать»⁴). Вместо конкретного указания на возможные козни Святославичей здесь Татищев ограничивается общим словом «война». В тексте этого сообщения во 2-й редакции есть и другие отличия: к «Святославичам» прибавлены их имена, а также вместо лишь желания послать к Давиду Владимир уже посылает, причём посылает к обоим князьям — Давиду и Олегу. Как видим, этот текст представляет собой не простой перевод сообщения 1-й редакции на современный Татищеву язык, а именно вторую редакцию сообщения.

Появление известия о причине отказа Владимира уже в 1-й редакции может быть объяснено редакционной работой самого Татищева над текстом известного и нам источника

² ПСРЛ, т. II, столб. 275.

³ В. Н. Татищев. История Российская, т. IV, М. Л., 1964, стр. 179.

⁴ Там же, т. II, М.—Л., 1963, стр. 129.

(Ипатьевской летошкѣ), а все изменения и дополнения по 2-й редакции сообщения показывают работу историка над текстом, связанную с исправлением неточностей, допущенных в первом варианте, и со стремлением связать все факты своего сведения с летописным текстом.

Известие о причине отказа поясняет сведение, лишь названное в летописи (отказ Владимира), и связывает его с остальными сообщениями рассказа. Подобные приемы характерны для работы Татищева. Так, в той же статье «История» под 1113 г., в самом рассказе о событиях в Киеве, находятся аналогичные распространения летописного текста:

Ипатьевская летопись

1-я редакция «История»

Наутри же в самыи на 10 день свет створиша князе, послаша к Володимеру, глаголюще: «Ижди, княже, на стол отен и чеден». Се слышав Володимер плакати велики и не видети, жали си по брате. Князи же разграбиха двор Путятини тысячником, идоща на жиды и разграбиха я. И посланъси пакы князи к Володимеру...³

Наутри же сотвориша князе вече и вси совокупи избраша на великое княжение Владимира Всеволодича... И по вече, избравше мужи знаменити, послаша ко Владимиру, рекий: «Ижди, княже, на стол отен и дедень». Се слышав, Владимир плакати горце по брате своем, имаше бо жалость велику по нем, и не иде в Киев, размышляючи... Киев же не хотече имети Святославичи, и мнози возмутившися, и разграбиха двор Путятии тысяцкаго, идуща же на жиды, многы илбиша, и дома их разграбиха, яже си многу тирету и смуту людем твориху. Сие же видевши, князе, яко без князя боляшев яко быти можаше, послаша пакы ко Владимиру...

В татищевском фрагменте, кроме перечисленных в летописи фактов, имеются вставки, поясняющие и уточняющие их. Летопись говорит, что киевляне устроили совет; Татищев уточняет, что совет («вече») собрался для решения вопроса о великом князе. В летописи говорится, что киевляне «послали» к Владимиру; в «Истории» уточняется, что посланы были специально выбранные люди. Татищев также поясняет, из-за чего именно посланы киевляне, из-за чего они пошли на евреев, почему киевляне обратились к Мономаху второй раз и т. д. Разбираемое татищевское сообщение об отказе Владимира находится в цепи вставок, цель которых объяснить события, лишь названные в летописи, дополнить их и восстановить причинную связь между фактами.

Источником для написания сообщения об отказе Владимира для Татищева послужило летописное известие, описывающее полюдья, создавшееся в Киеве в 1093 г. после смерти последнего сына Ярослава, занимавшего киевский стол, — Всеволода. Тогда

³ ИСРД, т. II, стлб. 275—276.

впервые возник вопрос о том, кому из его (Ярослава) внуков надлежало встать на великое княжение. Все три Ярославича, последовательно занимавшие Киев — Вячеслав, Святослав и Всеволод, были сыновей. По старшинству после смерти Всеволода великокняжеский стол должен был перейти старшему Вячеславу — Святополку. Но в то время при умирающем отце находился Владимир Всеволодич. Летопись сообщает, что после смерти отца Мономаха «нача размышляти, река: „Аще аз сяду на столе отца своего, то имам рать со Святополком узяти, яко то есть стол отца моего переже был“. И тако размыслив, посла по Святополку Турову, а семь пде Чернигову».⁶ Это известие под тем же 1093 г. дополнено точно передано и Татищевым. Очевидна близость этого летописного сообщения о решении Владимира добровольно уйти из Киева и татищевского сообщения под 1113 г. (первые слова обоих сообщений даже совпадают): в обоих случаях Владимир решает не занимать киевский стол из-за опасности столкновения с законными преемниками, причем оба раза дается объяснение, почему именно Святополк и Святославичи имели преимущество перед Владимиром. В обоих случаях Владимир находит выход из положения в сношении с претендентом на великое княжение. Видимо, столкнувшись во второй раз с фактом отказа Владимира (по летописи), В. Н. Татищев решил использовать уже известное летописное свидетельство под 1093 г. и дополнить краткое летописное сообщение под 1113 г., напиквав на основании его мотив отказа по аналогии с летописным. Первый вариант получился не совсем удачным, и при написании текста 2-й редакции историк исправил неточность, причем, вероятно, и в этом случае прибегнув к тексту сообщения под 1093 г., но уже по 2-й редакции его в своем сочинении: именно там сказано, что Владимир опасался «войны» со Святополком. Создавая аналогичное летописному сообщению, объясняющее, почему именно Святославичи должны были занять Киев, Татищев выбрал не совсем удачную форму, необычную для летописи.

Заметно стремление Татищева идентифицировать сообщения под 1113 и 1093 гг. при написании 2-й редакции «Истории». Первоначально послужил примером для татищевского сообщения летописное известие во 2-й редакции «Истории» и претерпевает изменения уже под влиянием вставки Татищева. Так, во 2-й редакции сообщении под 1093 г. появилось новое фактом: здесь уже говорится о том, что Владимир сам уступил киевский стол Святополку, «хотя киевляны прошен был прийти престол». Как мы знаем, именно в 1113 г. киевляне просили Мономаха прийти в Киев, а под 1093 г. ничего подобного в летописи не говорится. Также прибавлено, что Владимир, кроме Святополка, опасался и Святославичей («многотрудно будет мимо старейших Святополка

⁶ Там же, столб. 208.

и Святославичев принять» киевское княжение); эту вставку историк делает потому, что ниже, по его же тексту, Владимир будет предполагать столкновение со Святославичами.⁷ Последняя вставка как бы обосновывает татищевское сообщение под 1113 г.

Но все же между этими двумя сообщениями есть и разница: если в 1093 г. Владимир действительно отказался от киевского стола, то в 1113 г. он все-таки стал великим князем. Остается немаловажным вопросом описание Владимира: он предполагал всевозможные неприятности от Святославичей, а в летописи ничего не говорится о чем-нибудь подобном. Мотив отказа Мономаха остается как бы без подтверждения. Можно предположить, что именно это явилось одной из причин появления в «Историях» другого «татищевского известия» под 1113 г. — рассказа о попытке Олега Святославича занять киевский стол. Это новое сообщение тесно связано с первым: оно подтверждает его, обосновывает (по нему как бы реализуются опасения Мономаха).

В этом рассказе говорится о том, что Олег узнал о смерти Святополка и, считая себя законным наследником, решил утвердиться в Киеве и пошел туда для этого. Но Мстислав Владимирович разбил его войска и вынудил его вернуться.⁸ Сразу обращает на себя внимание то, что почему-то именно сын Мономаха решил воспротивиться Олегу в его предприятии, находясь в это время далеко и от Олега, и от Мономаха — в Новгороде Великом. Сам по себе этот факт можно было бы и принять, если бы не явные несообразности в тексте татищевского рассказа. В. И. Татищев указывает, что битва между Олегом и Мстиславом произошла на Колокшине. Но Олег в то время находился в Тмутаракани: получается, что, вместо того чтобы идти в Киев против Владимира (а в рассказе «Историях» сказано именно о походе Олега на Киев), Олег пошел в Северо-Восточную Русь (река Колокша — левый приток Клязьмы). В этом же рассказе дважды говорится о том, что Мстислав во время описываемых событий был «юным». Но известно, что Мстислав родился в 1076 г., следовательно, в 1113 г. ему было уже 37 лет. Следует обратить внимание и на необычную лексику «татищевского сообщения»: например, в нем употреблено слово «ача», неизвестное в древнерусском языке.⁹ Свообразны стиль и форма сообщения: отсутствует обычный для нового известия в летописи, не связанного с предыдущим, начало (типа «того же лета»), неожиданно читателям представляется Олег. Обращает на себя внимание и отсутствие даже

⁷ В. И. Татищев. История Российская, т. IV, стр. 162 и 179; т. II, стр. 98—99 и 129.

⁸ Там же, т. IV, стр. 180.

⁹ Интересно отметить, что слово «ача» неоднократно встречается в тексте 1-й редакции «Историях», причем оно всегда обнаруживается в «татищевском известии» или в татищевской обработке летописного сообщения (см. под 1113 г., стр. 180; под 1146 г. четыре раза — стр. 202 и 205).

какого-нибудь упоминания об этом событии в Новгородской летописи: ведь в рассказе сообщается о победе новгородского князя. Эта летопись, например, не оставила без внимания победу Мстислава над Олегом в 1096 г.¹⁰ Характерно, что в Новгородской летописи чуть ли не под каждым годом именно в этот период сообщается о действиях князя Мстислава; больше того, именно под 1113 г. имеется запись о походе Мстислава Владимировича на Чудь.¹¹

При написании текста 2-й редакции Татищев, с одной стороны, исправляет некоторые ошибки, а с другой — усиливает старые. Указание на молодость Мстислава исчезает, причем первоначально все же это сведение имелось и во 2-й редакции (история записал «уничтожа Мстислава младости его ради», но потом зачеркнул это и написал «малости войск его ради»¹²). Но при описании битвы двух князей Татищев повторяет, что она произошла на Колокше и даже уточняет: «на Колокше в земле Суздальской».

Можно, конечно, предположить, что у Татищева был источник, в котором это известие читалось в таком виде, с ошибками; вполне можно допустить и то, что Новгородская летопись могла почему-либо и не иметь этой записи и т. д. Но не правильное ли будет видеть в одной из записей известной летописи источник татищевского рассказа. В 1125 г. Мстислав Владимирович занял киевский стол. Никоновская летопись, сообщая об этом, вспоминает об одном из подвигов Мстислава, совершившем им еще до вступления на великое княжение:

Никоновская летопись

Княже Мстиславле. И седе на нем в Киеве на великом князю старейшим сын его, Мстислав. Еще юн сый, и биях на Колокше с Олегом Святославичем, с внуком Ярославичем, а ему дядя, сего ради, занеже Святослав, большой брат Всеволоду, доду Мстиславлю, сам хотя на великое княжение, и одоле ему Мстислав, и прогна его во Тмутаракань и оттоле в Рязань.¹³

1-я редакция «Истории»

Олег Святославич, братицих Владимиря, сыновца или же внука Ярослава Великого, слыша о смерти Святослава, хотя сести в Киев, зане отец его старейшим бе Всеволоду, иде ко Киеву из Тмутаракани. Мстислав же тогда юн бе, но собрав дружину новгородскую, изыде противу ему на Колокшу. И ач Мстислав тогда млад бе и мало дружины име, но сам храбро и сильно наступив, победи Олега и против его во Тмутаракань, и сам возвратил с честью в Новгород.

Связь этих двух текстов очевидна: здесь совпадают и указания на юность князя, часть генеалогии, место битвы и отход Олега в Тмутаракань. В отдельных фрагментах наблюдается

¹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 49 и 202.

¹¹ Там же, стр. 20, 203 и 204.

¹² В. Н. Татищев, История Российская, т. II, стр. 180, 287 (прим. 13).

¹³ ПСРМ, т. IX, М., 1965, стр. 153.

текстуальная близость. В этой и общем-то путанной никоновской записи отсутствует датировка событий, но судя по тому, что Мстислав назван юным, имеется в виду победа этого князя над Олегом задолго до 1113 г. Скорее всего автор никоновского сообщения вспоминает события 1096 г., когда после изгнания и убийства Олегом брата Мстислава — Изяслава — произошла битва между Владимировичем и Святославичем на Колокше, в результате которой Олег вынужден был бежать в Муром, а потом в Рязань.¹⁴ Сообщение Никоновской летописи коротко пересказывает именно это событие; действительно, в 1096 г. Мстислава вполне можно было назвать молодым князем, победил погородский князь именно на Колокше и преследовал Олега в Муром (в Никоновской летописи Муром часто заменяется Тмутараканью). Но причина войны Мстислава с Олегом в этой летописи названа не та. Татищеву же как раз именно такое свидетельство — о преследовании Олега — подходило для подтверждения своего известия о причине отказа Владимира, и, не обратив внимания на то, что речь в никоновском сообщении идет об известном и ему событии, он на основании этой записи создал свой, отличный от никоновского рассказ и поместил его под 1113 г. Теперь становятся понятны ошибки, допущенные историком при составлении своего рассказа, а также отличия этого сообщения от обычных летописных. В. Н. Татищев стремился на немногочисленных фактах летописного сообщения построить рассказ. Используя тот факт, что победу одержал юный князь, историк обращает внимание читателя на него, подчеркивая мужество Мстислава (Татищев симпатизировал этому князю), используя сведения о молодости уважды. Из никоновского сообщения перешло и указание на Колокшу и т. д.

При написании 2-й редакции «Истории» Татищев дополняет и расширяет свой рассказ, беллетризируя его: появляется сведение, по которому «другие» отговаривали Олега от этого предприятия, указывается на попытку Мстислава решить вопрос мирным путем, Олег унижает Мстислава и т. д. Этих сведений уже нет в никоновском сообщении (как и в других источниках), следовательно, они полностью принадлежат перу самого историка.¹⁵

Но В. Н. Татищев не ограничился введением в текст «Истории» этого рассказа о войне Олега с Мстиславом. Историк провел большую работу над текстом самой «Истории» и над примечаниями для согласования этого введенного известия с текстом, который его окружает, со всеми событиями того времени. Сама по себе

¹⁴ ИСРЧ, т. 1, столб. 237—240; т. 11, столб. 226—230.

¹⁵ С. Л. Пештич не без основания писал, что «распространение известия во 2-й редакции по сравнению с татищевским изложением в 1-й редакции может служить серьезным доказательством сознательной переработки Татищевым известного летописного текста» (С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, т. 1, Л., 1961, стр. 284).

фигура Олега как претендента на киевский ствол и человека, желавшего силой отобрать Киевское княжение у Владимира, вполне подходила. Олег Святославич, хорошо известный по летописям, был одной из фигур среди князей второй половины XI — начала XII в. Сам Татищев показывал, что он был хорошо знаком с деятельностью этого князя и оценивал ее (вслед за летописями) отрицательно. В примечании № 256 к тексту 1-й редакции читаем: «Сей Олег столько в народе был чувствителен, что по нем за беспокойство и Давыдов род или всех князей черниговских Ольговичи именовали, но более не к хвалу их писали». ¹⁶ Олег был не только беспокойным князем, но еще и старым врагом Мономаха. Но все же необходимо было как-то объяснить тот факт, почему именно Олег пытался сесть в Киеве: ведь у него был старший брат Давид, т. е. он прежде всего имел право на великое княжение. Вот именно стремлением обосновать действия Олега можно объяснить появление ряда вставок и изменений в текстах обеих редакций «Истории», а также тщательную работу Татищева над примечанием. Во первых, в тексте 2-й редакции «Истории» вставками и маргинальными пометами обращается внимание читателя на властолюбие Олега и на другие отрицательные черты его. Описывая изгнание Владимира Олегом, историк вставляет фразу: «хотя давно завидовал (Олег, — *Е. Д.*) Владимиру о владении Чернигова»; ¹⁷ в рассказе о призыве к Олегу прийти в Киев на съезд и его отказе во 2-й редакции «Истории» появляется боковой заголовок: «Ольга гордость»; другой заголовок — «Ольга властолюбие», здесь же в тексте вставка о «властолюбии и сварливости» Святославича. ¹⁸ В рассказ о походе Владимира, Олега и Давида на Святополка в 1097 г. В. Н. Татищев вставляет, что Олег «властолюбием разжигаясь, совещал и усиленно домогался, чтоб идти прямо к Киеву Святополка поймать или изгнать, надеясь себе по старейшинству, а не достоинству престол достать». ¹⁹ А к характеристике Олега, данной Татищевым в примечании № 256 (по 1-й редакции), — «безпокоен и власти желателен», во 2-й редакции прибавлено — «сварен и непостоянен во обещаниях». ²⁰ Характерно, что почти во

¹⁶ В. Н. Татищев, История Российская, т. IV, стр. 430—431.

¹⁷ Там же, т. II, стр. 101.

¹⁸ Там же, стр. 104 и 107.

¹⁹ Там же, стр. 113. Интересно, что слова «по старейшинству, а не достоинству» являются припиской (Там же, стр. 285, прим. 18—19). Это показывает, что эта данная вставка тесно связана с появлением рассказа о попытке Олега сесть в Киеве. Заметим, что, сделав указанную приписку, Татищев допустил ошибку: в 1097 г., как и в 1113 г., «по старейшинству» после Святополка киевский ствол должен был занять не Олег, а Давид Святославич.

²⁰ В. Н. Татищев, История Российская, т. IV, стр. 430; т. II, стр. 260. Это дополнение истории сделал позже, в первоначально (в Воронежской рукописи) читался текст, аналогичный тексту 1-й редакции (т. II, стр. 315, прим. 48—48).

всех отмеченных случаях подчеркивается именно «властолюбие», а именно властолюбием и можно объяснить желание Олега захватить Киев. (Заметим, что примечания и маргинальные пометы бесспорно принадлежат самому Татищеву).

Во-вторых, историк как бы нейтрализует пассивность Давида, который ничего не предпринял для того, чтобы стать великим князем. Именно в связи с этой вставкой рассказа о попытке Олега занять Киев В. Н. Татищев еще в первом своем известии (мотив отказа Владимира) написал, что Мономах хотел послать к Давиду. Этот текст не удовлетворил историка, и, как мы видели, во 2-й редакции «Истории» Владимир уже посылает к Давиду. Продолжая эту тенденцию объяснения пассивности Давида, Татищев вставляет в текст рассказа о предприятии Олега, во 2-й редакции, фразу, в которой говорится, что Давид добровольно отказался от киевского стола в пользу Владимира («... Давид, яко старейший ему, добродушно оставил и не азрих...»). В другом месте, в рассказе о вынужденном уходе Давида из Новгородца в 1095 г., Татищев делает характерную вставку: «Давид Святославич, хотя был князь кроткий, милостивый и справедливый, но не мог...».²¹ А рассказывая о том, как Олег подстрекал Владимира лишить Святослава великого княжения, историк добавляет: «Но Давид Святославич согласовал Владимиру...», т. е. подтверждает его.²² Как видим, все эти вставки в текст «Истории» хотят читателя к тому, что Давид вполне мог добровольно уступить Владимиру, так как он был покладистый и справедливый человек, бывший в хороших отношениях с Мономахом.

И, наконец, последнее изменение: оно сделано в тексте 1-й редакции «Истории». Под тем же 1113 г. в Ипатьевской летописи говорится о приходе на Русь половцев. Это сообщение имеется и в татищевском труде, причем оно помещено немного раньше рассказа о попытке Олега занять Киев (на том же месте, что в летописи). Но в летописном сообщении сказано, что Владимир пошел к половцам вместе с Олегом («совокупися с Олом»), причем «Олог» читается во всех списках Ипатьевской летописи. У Татищева же сказано: «совокупися со Давидом черниговским». На первый взгляд это совершенно несущественное отличие, но иначе, как целенаправленным изменением имени князя, связанным с вводом рассказа о предприятии Олега, это отличие объяснить нельзя. Действительно, рассказ, введенный Татищевым, начинается с того, что Олег узнал о смерти Святослава; если бы летописное известие о приходе половцев осталось без изменений, то между ним и татищевским рассказом возникло бы противоречие: ведь Олег, оказывается, еще раньше узнал о смерти Святослава в запятой Владимиром киевского

²¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. II, стр. 103.

²² Там же, стр. 113.

стола; более того, Олег ходил вместе с Владимиром, помогал ему против половцев. Заменяя Олега Давидом, историк достиг сразу двух целей: во-первых, снял сразу два противоречия, во-вторых, еще раз показал дружественные отношения между Владимиром Всеволодичем и Давидом.

Со всеми этими многочисленными вставками и изменениями в пользу обоснования попытки именно Олега занять киевское княжество и согласования рассказа об этом с окружающим текстом связана и тщательная работа Татищева над примечанием № 256 по 1-й редакции и № 359 по 2-й. В 1-й редакции читаем: «Правда, что Давид по первенству отца своего Святослава имел преимущество (перед Владимиром, — *Е. Д.*), но как был человек миролюбивый и со Владимиром всегда в любви пребывал, паче же видимо... к тому силе и храбрости Владимирови Давыда удержатъ мога». ²³ Этот текст первоначально читался и во 2-й редакции, ²⁴ но позже историк изменил его. Вот как читается это место в окончательном варианте: «Правда, что Олег по старшинству отца имел преимущество, но как был безпокоен...». ²⁵ Историк первоначально в примечании стремился обосновать пассивность Давида, но потом отказался от этого и перенес обоснование в текст самого рассказа по 2-й редакции об Олеге. Следует отметить близость характеристики Давида в примечании в 1-й редакции (которая безусловно принадлежит Татищеву) и указанной выше вставки в текст 2-й редакции рассказа о выходе Давида из Пологорода.

Таким образом, возникновение двух «татищевских известий» под 1113 г. вполне можно объяснить редакционной работой В. Н. Татищева над текстом известных и в настоящее время источников. Наличие же такой работы историка в текстах обеих редакций «Истории» уже доказано А. А. Шахматовым и С. Л. Пештичем. ²⁶

В первом случае Татищев опирался на факт, указанный в летописи, и на летописное же сообщение о поведении Мономаха и примерно такой же ситуации. Вводя мотив отказа Владимира, историк лишь пояснил летописный текст, в общем-то опираясь на летописную традицию. Во втором случае Татищев основывался на прямом указании источника, известного нам — Никоновской летописи. Это «татищевское известие» дополняет летописный

²³ Там же, т. IV, стр. 430.

²⁴ Там же, т. II, стр. 314, прим. 48—49.

²⁵ Там же, стр. 260.

²⁶ А. А. Шахматов. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева. Дела в дух, кн. 1, Петр., 1920, стр. 83. А. А. Шахматов выявил редакционную работу Татищева в тексте 2-й редакции; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, стр. 236—250.

текст, а также подтверждает первое сообщение. В обоих случаях историку не надо было ничего выдумывать в прямом смысле слова: оба известия «Истории Российской» — плод интерпретации, осмысливания фактов источников, стремления сделать текст ясным, связать отрывочные данные летописи. Но необходимо отметить, что свои сообщения Татищев создал в виде реальных летописных записей, используя для этого стиль и язык русских летописей. Естественно, вводом новых сообщений историк нарушал равновесие в системе фактов источника, который был основой для написания данной статьи, поэтому ему потребовалось провести значительную редакторскую работу по согласованию и обоснованию двух своих сообщений со всем комплексом фактов летописи.

В связи с изложенным следует признать невозможность использования разобраных «татищевских известий» статьи под 1113 г., а также связанных с ними в качестве источника по истории Древней Руси. Стремление же интерпретировать источник и объяснить его сообщения, выявленная редакционная работа — все это свидетельствует о том, что В. Н. Татищев был не переписчиком летописей, копировавшим их, а исследователем, творчески подходившим к историческому материалу.

В. В. АНАНЬИЧ, Р. Ш. ГАЙРЕДИН

О ДОСТОВЕРНОСТИ ОДНОГО ДОКУМЕНТА ИЗ АРХИВА М. К. ЛЕМКЕ

(М. И. Драгоманов в «Вольном слове»)

Малозначительный на первый взгляд вопрос о роли М. П. Драгоманова в «Вольном слове» на протяжении нескольких десятилетий является предметом научного спора, то затухающего, то возобновляющегося. Это и побудило нас выступить со статьей «С. Ю. Витте, М. И. Драгоманов и „Вольное слово“», в которой мы воспроизвели копию письма М. П. Драгоманова к С. Ю. Витте 15 мая 1882 г., слитую собственноручно М. К. Лемке.¹ Наша статья вызвала критические замечания А. Дейча, который объявил указанное письмо М. П. Драгоманова подделкой.² Ту же точку зрения отстаивает группа ученых в статье «Чия це фаль-

¹ Исследования по отечественному источниковедению, Л., 1964, стр. 163—178.

² Вопросы литературы, 1965, № 5, стр. 200—201.